

няются от ударов противников, ни на секунду не смолкающий оркестр подстегивает бурный темп. Ноги танцоров выбивают ритм на гладких камнях. Зрители подбадривают танцоров возгласами.

Среди воинов выделяется один. Это, как объяснил стоявший рядом с нами ниасец, жених. Как, неужели вы не знаете, что сегодня в нашей деревне свадьба? Жениха зовут Марундури, и невеста ожидает его в доме родителей.

А в это самое время Марундури, парень самого добродушного вида, настороженно оглядываясь, подкрадывается к «врагу», чтобы поразить его метким ударом. Добыть голову врага для своей деревни — своего рода дело чести ниасского воина. Раньше без этого никто не считал бы его полноправным мужчиной. Теперь воинская честь добывается в танцах...

Правда, и сейчас девушку так просто в жены не отдают. Марундури пришлось выдержать испытание потруднее лихого танца. Пришлось два года прожить в доме будущего тестя, работая на его поле. Причем работать не покладая рук. А то ведь тесть может и прогнать парня: ленив, не подходит.

Музыка резко оборвалась, и танец кончился. Только теперь мы стали объектом внимания. «Я ами», — послышалось со всех сторон. И мы дружно протянули: «Е-е-э». Этот ответ на приветствие мы учили еще до поездки на Южный Ниас. Нет ничего невежливее, чем не ответить «по форме», когда с тобой здороваются.

Толпа возбужденно загалдела. Нежданный гость на свадьбе — хорошая примета. Тем более гости из далекой страны.

— Мы освободим вам лучший дом, — пообещал нам староста бануа, — ведь вы останетесь гостить у нас до конца свадьбы. Праздник только начался и продлится целую неделю!

Увы, нас ждали неотложные дела, мы торопились дальше и не могли задержаться.

— Вам понравится у нас, — настаивал староста, — у нас чисто! А ведь вокруг такая грязь!

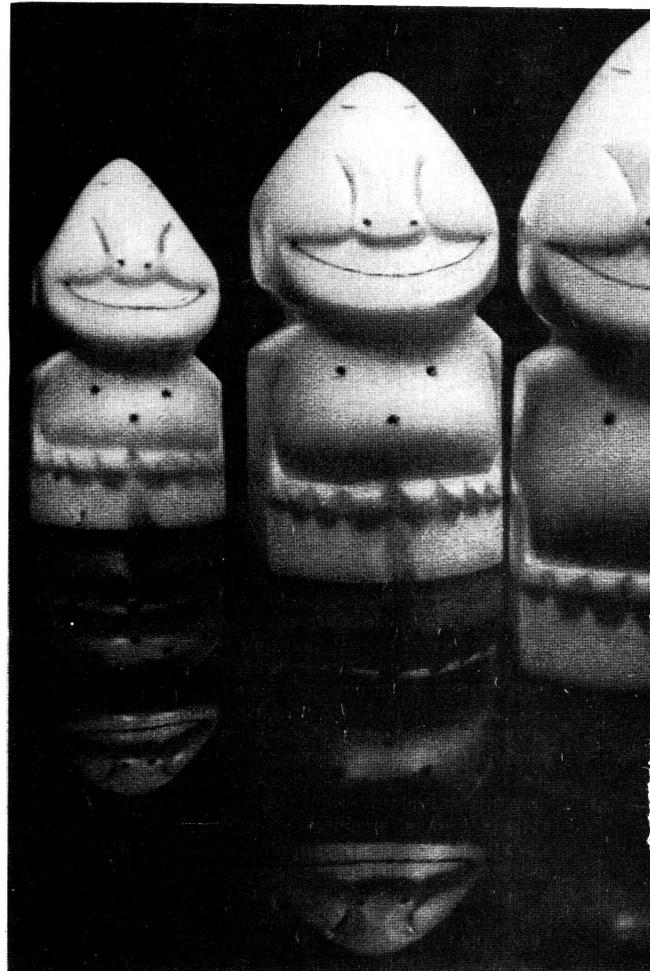
Понадобилось незаурядное красноречие, чтобы убедить ниасцев. Небо свидетель — это было нелегко. Сошлись на том, что сегодня мы не будем даже думать о делах и переночуем у родителей жениха.

...Из деревни мы уходили на следующее утро. Наши кеды были отмыты, но очень хотелось снять их и ощутить подошвами ласковое прикосновение гладких каменных плит, нагретых солнцем. Я все допытывался у ниасцев, откуда взялась в деревне такая великолепная мостовая. Но они только удивленно пожимали плечами — да ведь так всегда было, а как же можно иначе?

Потом уже, когда прошло много времени, мне довелось услышать такое предположение: обтесывать камни начали еще далекие предки нынешних ниасцев. Они поклонялись духам умерших и воздвигали в их честь глыбы. Потом верования изменились, и священные глыбы превратились в обычный прекрасно обтесанный камень.

Наверное, так и было. Как когда-то наши новгородские предки приводили улицы в порядок, устраивая деревянные мостовые, так и ниасцы делали каменные, благо за материалом далеко ходить не надо. Кому не хочется, чтобы у него в доме было чисто? По крайней мере, когда я вспоминаю вязкую грязь, из которой мы едва вытаскивали ноги, возвращаясь к застрявшему автомобилю, мне кажется, что это самое приемлемое объяснение...

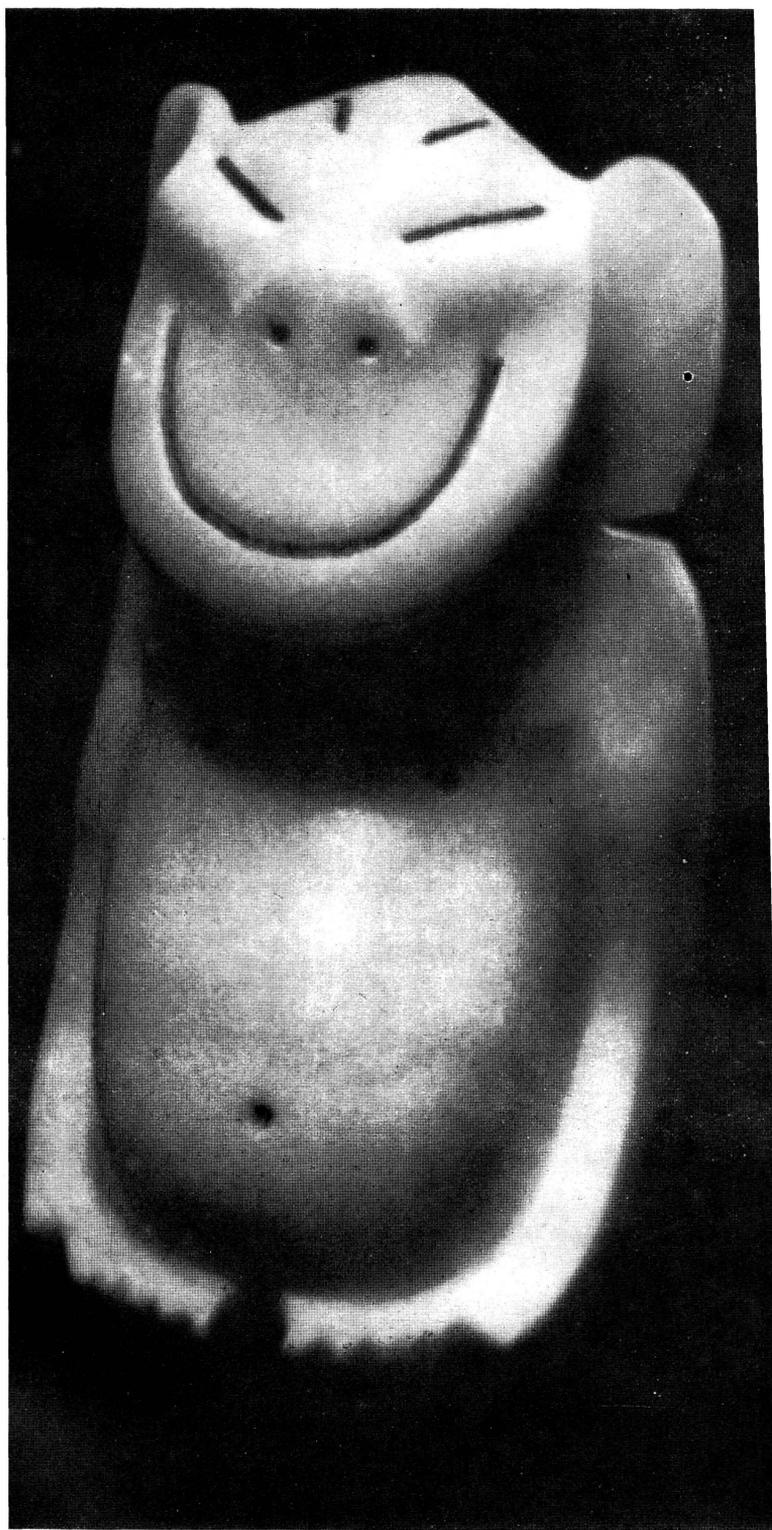
М. КУДИНОВ

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ

УЛЫБКА СЕВЕРНОГО БОГА

Я приехал на Чукотку в самом конце августа, и почти сразу же началась никакая не отпускающая учительская работа. Всю долгую зиму я видел нависшую над поселком большую сопку и наблюдал перемены, происходившие на ее склонах. Склоны эти поднимались сначала круто, потом полого, а потом опять круто, и сопка напоминала бы позеленевший от времени шлем древнерусского воина, если бы не разрушилась давным-давно острая ее вершина.

Первый снег начал падать в октябре. В поселке он таял несколько раз, но там, наверху, лег сразу и окончательно. Только камни еще торчали, и после каждой очередной пурги я смотрел, сколько черных пятен осталось на сопке. Снегу было не очень много в ту зиму, и последние камни исчезли в марте.

В мае они появились снова. Я проверил последнюю тетрадь и, движимый опасениями, что мне не доведется увидеть на Чукотке ничего, кроме своего поселка да этой сопки, положил в рюкзак еду, табак и портативный примус, взял бинокль, двустволку и направился к югу, потому что на севере был океан.

...К исходу третьей ночи я вышел к эскимосскому селению. Название его, как я узнал впоследствии, означало: «Далеко простирающаяся земля». Поселок этот мало чем отличался от того, где я жил: такие же дома из подсохшего серого бруса, поднятые на высокие столбы нарты, обложенные камнями и дерном мясные ямы, редко привязанные, а в основном беспризорные собаки.

И вот тут-то в одном из окон я заметил пеликанов. Костяные фигурки, мал мала меньше, стояли, глядя на улицу, и я мог видеть их сплюснутые носы, щелки глаз, высоко подскокившие брови и растянутые до ушей рты. Я подумал, что выставлены они

Биография ремесла

здесь не случайно, и зашел в дом. В комнате на полу перед низким столиком сидел старый эскимос и пил чай. Поздоровавшись, я спросил, не продает ли он мне пеликенов. Некоторое время старик молчал и, казалось, думал. Потом он что-то сказал, из-за перегородки вышла девочка и объяснила, что дедушка не очень хорошо понимает по-русски. Она перевела ему мои слова, эскимос кивнул, и девочка подала мне фигурки.

...На очередном привале я извлек из кармана пеликенов, расставил по росту в невысокой траве и начал рассматривать. Подобно сказочным гномам, а также слонам, приносящим счастье, их было семь. Острые их головы с ушами, едва намеченными резцом, были посажены на кургузые, обрезанные туловища. Поперек туловища, впереди, проходил пояс с рубчиками, а вертикальная прорезь внизу обозначила ноги. Вся компания стояла смиренно, вытянув руки по швам, и только лица расплывались в неудержимой улыбке. Приглядевшись, заметил я, что улыбаются они по-разному: кто простодушно и весело, кто хитро или слегка печально, кто застенчиво, но все — очень дружелюбно, как вообще, кстати сказать, улыбаются сами эскимосы и чукчи. Никогда, живя здесь, не слышал я у них смеха, который мы называем саркастическим, язвительным или злобным...

Словно где-нибудь в Крыму, жарко пекло солнце и слепило глаза, золотились сопки, покрытые уцелевшей, прошлогодней еще травой, и мои пеликены, выскочившие будто из-под земли, казались мне добрыми духами Чукотки, улыбка которых была столь же неожиданной, сколь неожиданной была эта весна, это тепло и краски после однообразной долгой зимы. «Может быть, это какая-то самопародия, — думал я, — потребность в добродушной насмешке над собой, свойственная народу с древней и мудрой культурой?» Я знал, что эскимосы и чукчи не поклонялись человекоподобным изображениям, но четкие профили фигурок напомнили мне каменных истуканов острова Пасхи, а в тонких, дугообразных, выделенных черной краской чертах лица было что-то от искусства Японии и Китая. Припомнил я и загадочную улыбку Будды, и напряженные, скованные позы египетских статуэток, и семейных покровителей некоторых народов Сибири, и... что только не придет в голову человеку, обученному в свое время проводить параллели и отыскивать аналогии. «Мир был гораздо более тесен, — сказал я себе, — чем это полагаем мы, преисполненные высокомерия оттого, что за несколько часов можем пересечь пару континентов. Наверное, он был даже теснее, чем сейчас, потому что у людей было больше времени смотреть, запоминать и размышлять над увиденным...»

К тогдашним своим мыслям мне пришлось вернуться несколько лет спустя, когда я уже покинул Чукотку, но все равно не хотел расставаться с ней, и жизнерадостная компания, стоя на моем рабочем столе, очень мне в этом помогала.

Дело в том, что мой друг, страстный любитель автомобилей и коллекционер всего, что с ними связано, нашел у себя фотографию веселого пузатого человечка, сидящего на каком-то подобии трона и отдаленно похожего на пеликена. Сомнения в сходстве, если они и могли возникнуть, уничтожились подписью: «Билликенъ — божок автомобилистов». Фотография, вспомнил друг, была вырезана

им из «Синего журнала», издававшегося в Петербурге в начале нашего века.

Я отправился в библиотеку, выписал все номера этого, всеми теперь забытого журнала и посреди рассказов о женщинах-змеях, среди объявлений, что юбки укорачиваются, а в Париже входят в моду ажурные чулки, разыскал небольшую заметку «Талисманы американцев». Безымянный автор ее писал, что билликен уже весьма долгое время пользуется любовью американцев и не только автомобилистов. «Изображение божка встречается почти на каждом шагу: в булавках для галстука, в медальонах, на брошках, браслетах, в будуарах, во многих рабочих кабинетах. Фабрикант, выпустивший божка на рынок, нажил громадное состояние и обеспечил мастеру, изобретшую фигуру, еженедельной пенсией в 20 долларов...»

Естественно, что столь прозаическое разрешение тайны происхождения пеликенов меня не удовлетворило — ведь американцы сами могли позаимствовать эту фигурку у эскимосов. Я предпринял дальнейшие поиски и в книге американского антрополога Дороти Джин Рэй «Художники тундры и моря» нашел историю пеликена, изложенную весьма подробно.

...В бытность свою в Номе, который, как известно, является на Аляске таким же центром косторезного искусства, как Уэлен на Чукотке, Дороти Рэй слышала от тамошних эскимосов, что первые билликены здесь были сделаны в 1909 году косторезом Ангокваскуком по прозвищу Хэппи Джек. Здесь надо сказать несколько слов об этом замечательном мастере.

В конце прошлого столетия у острова Большой Диомид, что посреди Берингова пролива, бросила якорь американская китобойная шхуна. Ее капитан Бодфиш наслышан был об эскимосском искусстве резьбы по кости и непременно хотел с ним познакомиться. Эскимосы, вышедшие на берег со своими изделиями, сказали Бодфишу, что самый лучший среди них резчик прийти не может. Тогда капитан сам отправился к нему. То, что он увидел, его поразило. Он увидел фигурки животных, которые при всей простоте своих очертаний казались живыми. Он разглядывал громадные моржовые клыки с изображенными на них сценами охоты и быта эскимосов. Другие клыки уже не были кусками цельной кости, а представляли сложное переплетение тел моржей, китов, белых медведей, тюленей и рыб. Сделал все это совсем молодой еще эскимос, лишившийся в результате несчастного случая на охоте обеих ног. Бодфиш был знаком с живописью и усмотрел в изделиях Ангокваскука сходство с работами импрессионистов. Он предложил юноше отправиться с ним в Сан-Франциско, обещая ему славу и массу новых впечатлений. Никогда еще ни один эскимос не покидал по доброй воле родного берега, и Ангокваскук, несмотря на то, что не мог более охотиться, долго не соглашался. Но, видно, он в самом деле был великим художником, и новые впечатления в конце концов прельстили его.

Как и предсказывал Бодфиш, в Америке молодой косторез сделался знаменитым. О нем писали газеты и журналы, его работы фотографировались, приобретались музеями. Тогда-то и стали называть его Счастливым Джеком. Спустя некоторое время Ангокваскук вернулся на родину. К началу века в Номе началась «золотая лихорадка», и население его от нескольких сот увеличилось до тридцати тысяч. Увеличился и спрос на изделия из кости. По заказу неискушенных золотоискателей эскимосы вырезали

мундштуки, трубки, ножи, брошки, пуговицы и игральные кости. Иногда выполнял такие заказы и Ангоквасхук. На одном из гравированных им клыков изображена роскошная женщина в окружении экзотических цветов, а рядом — реклама мыла. Но в основном он оставался приверженцем старых тем и старого стия. У него обучались многие косторезы.

Ангоквасхук обладал добрым и открытым нравом, был общителен и, несмотря на увечье, сохранил жизнерадостное отношение к миру, воплощавшееся в его работах.

«Так вот, — пишет этнограф, — первого костяного биликена, как рассказывают эскимосы, сделал Хэппи Джек по просьбе владельца местного магазина. Он скопировал статуэтку, вывезенную этим торговцем из Штатов. С тех пор косторезы охотно вырезали биликенов, поскольку они пользовались большим спросом. Самой же Дороти Рэй посчастливилось в антикварном магазине в Сиэтле увидеть и купить «Billiken bank» — железную копилку, на которой, кроме пожелания счастья, был указан еще и патентный номер. По этому номеру Д. Рэй легко установила, что изделие биликен принадлежит учительнице рисования из Канзас-Сити (Миссури), Флоренс Претц, и запатентовано ею 6 октября 1908 года».

В упоминавшейся книге Д. Рэй помещена фотография «прообраза современного биликена» — он ничуть не отличается от изображения в «Синем журнале», как не отличался, видимо, от него и первые фигурки, вырезанные эскимосами. Но постепенно косторезы далеко ушли от оригинала, выполненного Флоренс Претц, и, бесспорно, превзошли его. В лице, намеченном несколькими штрихами, и заострившейся голове ясно выразились эскимосские черты, а сам пеликен обрел присущий изделиям эскимосов лаконизм, монументальность и даже, несмотря на малые размеры, какую-то величественность. И никому теперь не приходит в голову, что всего несколько десятилетий назад дедушка загадочного северного бога продавался в магазинах Америки с легкомысленными надписями вроде:

Ты только почести ему животик,
И он принесет тебе счастье.

...С Аляски и тем более с островов Диоида пеликен мог легко попасть на Чукотку. Уэленские косторезы вырезают его, но, откуда он взялся и что означает, никто, кроме старика Гемауге, толком сказать мне не мог. Впрочем, старику тоже неизвестно, для чего служит пеликен, но он точно знает, что у шаманов таких фигурок не было. Не было их когда-то и в Уэлене. Привезли пеликенов с острова Диоида эскимос Кэпер и чукча Гнутегин, которые ежегодно зимовали в поселке, а летом возвращались на остров. Как и большинство охотников, они занимались резьбой по кости. От них и научились делать смеющихся человечков — сначала он, Гемауге, а потом и другие уэленцы.

Гемауге — очень интересный старик. Говорят, что в молодости он нанимался матросом на шхуну и был в Америке. Шхуна называлась «Мод», и командовал ею Руал Амундсен. С тех пор Гемауге любит мастерить корабли. Все в них, от кормы до бушприта, до тонких, как бумага, прозрачных парусов, сделано из моржового клыка. Пеликены его отличаются от тех, которых вырезают остальные уэленские мастера, не похожи и на купленных мною.

Сам Гемауге объясняет, что делает пеликенов так, как, видел когда-то, делают их на Аляске.

Такова эта история. Она была бы грустной для всех, кто согласен скорее иметь дело с неразрешимой загадкой древности, чем с фактом недавнего прошлого, если бы оказалось, что родословная пеликена прослежена Дороти Рэй до конца. (Я убежден, что многие из тех, кто побывал на Севере и привез оттуда пеликена, и, уж конечно, те, кого он до сих пор сопровождает в чукотской тундре, просто не примыслили бы с этим.) Но Дороти Рэй не исчерпывала всей, по-видимому, гораздо более длительной истории пеликена.

В своей не так давно вышедшей книге «Древние костры Камчатки и Чукотки» кандидат исторических наук Николай Николаевич Диков упоминает о костяных человеческих фигурках, найденных им в древних эскимосских погребениях на мысе Чини (Берингов пролив). Как правило, это статуэтки без ног или с укороченными ногами и заостренной головой. «Все эти человеческие изображения весьма своеобразны, — пишет Диков, — последнее же... очень напоминает так называемые пеликены, вырезаемые из моржового клыка современными эскимосами. Похоже, что это древнейший их прототип».

Действительно, для древнего периода эскимосской культуры, именуемого уэлено-оквикским, характерны были костяные изображения людей без рук и ног, но с довольно подробно выявленными чертами лица. Эти фигурки — с острыми головами и длинными овальными лицами — сдержанной и в то же время напряженной манерой исполнения похожи на теперешних пеликенов. Прекрасным образом такого сходства является знаменитая Оквикская мадонна, найденная на острове Св. Лаврентия и хранящаяся ныне в музее Аляски. Уэлено-оквикский период, названный так по местонахождениям характерных для него памятников, является наиболее древним в культуре зверобоев Берингова моря и относится учеными примерно к I тысячелетию до нашей эры. Несмотря на это, небольшая, чуть поболее пятнадцати сантиметров, статуэтка Оквикской мадонны считается одной из самых красивых фигур в истории эскимосского искусства. Ее лицо поражает живым, определенно насмешливым и, я бы сказал, очень современным выражением, а туловище украшено орнаментом, изображающим, вероятно, линии одежды. В более поздние времена подобные человеческие фигурки исчезли. Но, по-видимому, достаточно было какого-то толчка, чтобы издревле существовавшая у эскимосов традиция в изображении людей вновь пробудилась. Правда, в большинстве своем те древние человечки были серьезны, но с тех пор прошло достаточно времени для того, чтобы появилось у них чувство юмора.

Конечно же, в этой истории еще очень много неясного. Откуда, например, взялся и что означает слово «биликен» — в нашем варианте «пеликен»? Один магаданский писатель и мой друг уверяет, что произошло оно от чукотского «пылык», то есть «выпить». В подтверждение он рассказывает, как в ресторане «Северный» несколько ребят, прилетевших с Чукотки, поставили перед собой своих божков и обращались к ним с увещеваниями вроде: «Ну, за то, чтобы вам никогда не пьянеть», «Чтобы трезво смотреть на жизнь» и т. д. Но уж это, по-моему, совершенно несерьезная версия, если вообще можно оставаться серьезным, глядя на ничем не омраченную веселость пеликенов. Сам я часто ловлю себя на том, что смотрю, задумавшись, на их сияющие лица и вдруг начинаю улыбаться.